

Всадник — внук Кара-Сала, настоящий арат-кочевник

Жители Парижа, Петербурга, Кызыла на фоне тувинской юрты (автор статьи — третий слева)

А. А. ИКОННИКОВ-ГАЛИЦКИЙ

Долина речки Кюзленги, отроги хребта Цаган-Шибэту и Белая юрта дедушки Кара-Сала

Дедушка Кара-Сал раскуривает свою данзу

ЧОРЕМЕ, ХАН И АРАКА В ТУВИНСКОЙ ЮРТЕ

Фоторепортаж А. Терebeneина и К. Чугунова

ИКОННИКОВ-ГАЛИЦКИЙ Анджей Анджеевич — старший преподаватель кафедры журналистики Института гуманитарного образования (Санкт-Петербург). Историк, публицист, писатель.
Сайт: www.aaig.nightmail.ru

Начиная от самого Акташа, где стоит погранотряд, мы не видели европеоидных лиц. Да и раскосо-монголоидные редко стали попадаться. Свернув за райцентром Кош-Агач с Чуйского тракта к востоку, мы попали в места дикие, безлюдные. По невероятным дорогам поднялись на перевал-трехтысячник, въехали со стороны Алтая в Туву. Насквозь проехали недоступную, величественную и пустынную Монгун-Тайгу, долиной реки Каргы спустились к монгольской границе. Снова подъем, снова перевал (сколько их уже было на нашем пути! а сколько еще будет!). Темное, мрачное ущелье, на каменистом дне которого журчит ручеек. Вбирая другие подобные водотоки, он постепенно превращается в реку Барлык. Эта вода, промчавшись по разноцветным камням меж гор Цаган-Шибэту, вольется в Хемчик, потом в мощный Енисей, прорвется сквозь теснины Большого Саяна и, упав с двухсотметровой высоты плотины Саяно-Шушенской ГЭС, побежит дальше к Красноярску, к Дудинке, к Ледовитому океану. Вчера мы ночевали в холодном и сыром ущелье Барлыка, где солнце появляется на два часа позже, чем на равнине, и прячется за гору на два часа раньше. Палатки наши, не поставленные, а скорее, припиленные к каменистой почве, под утро заиндевели совершенно.

У границы с Монголией

Самое время объяснить, кто мы и зачем мотаемся по глухим углам Саяно-Алтая. То, чем мы сейчас заняты, называется — археологическая разведка. Ездим, ищем памятники археологии, по преимуществу курганы, со-творенные древними кочевниками. Осматриваем, опи-сываем, фотографируем. Нас семь человек. Константин Чугунов, научный сотрудник Государственного Эрмита-жа, начальник Центрально-Азиатской археологической экспедиции (под его руководством в 1999-2004 годах был

растущих по скалам, как все стало мокрым — хоть выжимай. Едва согревшись, двинулись вперед. Вот Барлык свернул влево, дорога ушла вправо. Холод и мрак ущелья как-то враз сменился жизнерадостным светом речки Арзайты; вдоль нее спустились в широкую Саглы́нскую долину. Там, за той горкой — Монголия. Кругом — курганы. Изредка юрты светлеют на серо-зеленом фоне степи. Когда-то, в конце шестидесятых, здесь работала Саяно-Тувинская археологическая экспедиция Академии наук СССР под руководством ленинградского ученого Александра Даниловича Грача.

Внутренний вид юрты. В центре — почетное место-дэр, коврики-ширтеки, сундук-аптара для самых ценных вещей

исследован курган Аржан-2 на севере Тувы, принесший целый венок сенсаций и невиданное количество пре-красного древнескифского золота), ведущий фотограф Эрмитажа Владимир Теревенин, искусствовед из Пари-жа Вероника Шильц, водитель Юра и мы трое, сотру-дники. Ездим уже месяц, почти пять тысяч километров отмотали по горам и равнинам, по асфальту, грунтовкам, по целине, по степи да по горной тундре.

...Утром еле-еле развели костер: все кругом белело инеем, а стоило солнцу высунуться из-за лиственниц,

В долине реки Саглы Грач раскопал несколько курганов скифского времени. И оставил по себе долгую память. Человек подвижный и открытый, он сумел установить с местным населением отношения дружбы и взаи-мопонимания, что нечасто удается ученым. Многие школьники из местных школ-интернатов работали в его отрядах. Знакомством с Грачом местные тувинцы гордятся до сих пор. В этом мы вскоре убедились.

Пора было подумать об отдыхе и перекусе. С грун-товой дороги, пронзающей насквозь Саглы́нскую степь,

Тучные стада дедушки Кара-Сала

свернули по ухабам вдоль маленькой речки. Если верить карте, называется она Кюзленги. Ее узенькая долинка, ог-раниченная зелеными грядами, поросшими лиственничной тайгой, манила нас вперед и вверх. Навстречу колыхается УАЗик, родной брат нашего. Тут все ездят на этих незамени-мых машинах; любая иномарка через неделю рассыплется на здешних дорогах. Тувинец за рулем, окликнули его.

- Здравствуйте!
- Здарова!
- Есть тут юрты выше по речке?
- А? Но! Вон там! (Махнул рукой.) Старик живет.

Это нам повезло, что объяснились: в здешних местах по-русски говорит далеко не каждый. И что трезвый за ру-лем — тоже повезло. Поехали, вернее, поковыляли дальше по колдобинам. За лиственницами и тальником, густо расту-щим возле каменистого речного ложа, что-то белое замель-кало. Остановились, присмотрелись: юрта. По едва заметной колее свернули в ту сторону. Через десять минут наш УАЗик под неумолчный собачий лай затормозил возле стойбища-аала. Две юрты, загон для телят, отара, мирно лежащая возле, пасущиеся лошади. И, конечно же, многочисленные дети разных возрастов. Здравствуйте, приехали.

Экскурс в историю

Тува — подлинный этнографический заповедник и археологический музей под открытым небом. Сов-ременность и глубокая древность здесь соединены неразрывно, и связующее звено — вот эти самые юрты, их жители, чабаны и араты, их образ жизни, их быт, обычаи, песни, их мироощущение.

В Туве подавляющее большинство исследуемых ар-хеологами памятников представляют собой курганные могильники. Располагаются они в степи или на откры-тых, безлесных участках речных долин. Курганов в Туве великое множество. Древнейшие из них датируются второй половиной II тысячелетия до н. э. (предскифская эпоха), самые «юные» относятся к позднему средневе-ковью. Наибольший интерес представляют памятники скифской эпохи.

Воинственный и героический народ, а точнее, группа народов, собирательно и условно именуемая скифами (само название их нам неизвестно) — обитатели и хозя-ева огромных пространств от Саян до Причерноморья в период с IX по II в. до н. э. Скифы были кочевниками, и, судя по всему, именно они явились родоначальника-ми кочевнического хозяйства и специфической степной культуры. Долгое время родиной скифов и кочевничес-тва считались степи Прикаспия, Причерноморья и Се-верного Кавказа. Археологические открытия последних десятилетий (в частности, раскопки в Туве) застав-ляют предположить иное: исторические корни этого народа — центр Азии, Саяно-Алтайский регион.

Ранние центральноазиатские скифы — горбоносые и узколикие европеоиды иранского типа; со временем в их внешности становится все больше монголоидных черт. Говорили они на неизвестном нам языке восточно-иранского происхождения. Разводили лошадей, овец, верблюдов, обитали в передвижных жилищах. Геродот сообщает, что скифы с семьями живут в кибитках на ко-лесах или же ставят временные жилища из войлока, не-что вроде юрт. Скифы не строили святилищ храмового типа, которые можно было бы украшать скульптурой

Кара-Сал, по-нашему Чернусов

Тем временем дверь юрты открывается снова и появляется хозяин, старик. Следует отметить, что у кочевых тувинцев, как, впрочем, и у монголов, нет лет, а есть только возрастные степени. Мальчишка, юноша, молодой арат, степенный муж, старик. То же можно сказать и про женщин: девчонка, девушка-красавица, молодая мать, зрелая хозяйка, старуха. Каков возраст нашего хозяина? Любой — от пятидесяти до ста лет. По лицу, осанке, повадкам уточнить эти данные невозможно. Не факт, что и по паспорту возможно. Худощавая, чуть сутулая фигура, кривые кавалерийские ноги, узловатые ладони, коричневое, обветренное, опаленное солнцем лицо. Широкие скулы, глубокие морщины, узкие глаза. Нос чуть-чуть с горбинкой. Единственная необычная для тувинца деталь: усы и борода. У здешних ярко выраженных представителей монголоидной расы эти волосяные украшения, как правило, не растут или растут плохо. У этого — видимо, родовая, наследственная особенность. Ибо зовут его Кара-Сал, в переводе на русский — Черный Ус.

Имя это или фамилия? Как посмотреть. У каждого тувинца есть личное имя, а есть прозвание, обозначающее принадлежность к роду. Штука в том, что они могут меняться местами. Есть, скажем, разветвленные роды Монгушей, Оюнов, Ондаров, Салчаков и т. д. Но мальчишке вполне могут дать личное имя Монгуш или Салчак. А фамилией станет прозвище или имя родителя: допустим, Кызыл-оол (*рыжий мальчик*). Любая фамилия может стать именем, но не наоборот. Принесенные русскими Владимир, Валерий, Сергей, а также тувинские Темир (*железо*), Буян (*благо*) и им

и живописью, и вообще никаких долговременных сооружений, кроме сооружений погребальных. Зато при создании этих последних не жалели ни времени, ни сил, ни затрат.

Начиная с VII в. до н. э. погребение совершалось под землей (до этого — на уровне горизонта). Рыли широкую яму глубиной 3-5 м. В яме строили деревянный сруб из лиственничных бревен. В срубе и рядом с ним в определенном порядке помещали вещи, необходимые в загробных странствиях (оружие, утварь, предметы ритуального назначения), а затем на деревянный пол укладывали самого покойного — на боку, с подогнутыми ногами. В некоторых (правда, редких) погребениях, благодаря образованию мерзлотных линз и консервирующим свойствам бронзы, сохранились фрагменты тел, изделий из ткани, кожи и дерева. Любили скифы наполнять погребения золотом и бронзой; другие металлы встречаются несравненно реже; драгоценные камни были вовсе не в ходу. Изделия из золота и бронзы поражают виртуозностью техники и утонченностью художественного стиля. Стиль этот носит название «звериный», потому что представляет собой изображения

животных в самых разных, иногда очень замысловатых сочетаниях, переходящих в зооморфный орнамент.

Погребальную камеру закрывали не сразу: доступ к покойному какое-то время (возможно, год и более) оставался открытым, рядом с посмертным жилищем совершались заупокойные ритуалы. Вокруг ямы складывали ограду-кольцо из каменных плит. Она, по-видимому, тоже имела ритуальное значение: служила границей между миром живых и миром мертвых. Иногда в ограду закладывали приношения: колчаны со стрелами, конскую сбрую. Последним этапом строительства кургана было сооружение насыпи. Для скифских курганов Тувы характерна невысокая каменная насыпь от 1 до 4 м высотой.

«Как ваш скот? Как ваши дети?»

Приехали, дождались, пока парнишка унял собак. Вышли из машины. Ритуал приветствий и знакомства. Первыми подбегают дети. Для тувинцев, даже

городских, а тем более для тех, что живут в юртах, существенны возрастные нормы поведения. Дети сразу же бегут, любопытные, посмотреть, что там. В авангарде, конечно, девчонки: черноглазые, энергичные. Подростки — те уже степеннее подтягиваются, становятся поодаль. Характерная поза: ноги пошире, руки за спину, голову чуть набычат — смотрят. Бойцы, араты. Девушки — вообще в стороне, делают вид, что им все эти приезжие ни чуточки не интересны. Потом уж дверь юрты открывается, выходит хозяйка, пожилая женщина.

— Здравствуйте, хозяйка, эки!
«Эки» — тувинское приветствие. В прежние времена здоровались более церемонно. Исследователь тувинского фольклора и обычаев Г. Н. Курбатский описывает это так: «Молодой снизу, ладонями кверху, подхватывал руки старшего, приветствовал: «Амыр-ла!» — мир Вам!, кланялся. Старший отвечал «Менди!» — Здравствуй! И целовал... его в лоб». Далее следовал диалог, дань вежливости:

- Вы здоровы ли?
- Здоровы, все хорошо. А у вас все хорошо?
- Хорошо. Здоровы ли ваши

овцы? Хорошо ли перезимовал скот? Удачно ли охотились? Хорошо ли растет трава? Все ли здоровы домашние?

И так далее (Курбатский Г. Н. Тувинцы в своем фольклоре. Кызыл, 2001, с. 277-278). Теперь ритуал упростился; от многочисленных и витиеватых формул осталось краткое «Эки!».

Пожилая хозяйка по-русски не говорит совсем — ситуация, типичная для этих отдаленных, труднодоступных районов Тувы. Но и молодежь, похоже, по-русски ни бельмеса, хотя закон о всеобщем среднем образовании никто не отменял и эта юная поросль учится в школе. На первых порах наш разговор ограничивается широкими улыбками и дружественными жестами. Но надо как-то объяснить, кто мы и чего, собственно, хотим. А хотим мы познакомиться, осмотреть юрту, пофотографировать, окунуться, так сказать, в быт кочевников. А еще недурно бы барана зарезать — естественно, за деньги, — чтобы часть взять с собой, а из остального чтобы приготовили для нас традиционные тувинские блюда. Это интересно и вкусно, уверяю вас. Только надо как-то объяснить все это.

подобные — в фамилии не превращаются. Что касается женских имен, то тут очень часты имена-прозвища, чаще приятные и весьма разнообразные: Кара-кыс (*черная девочка, чернушка*), Чечена (*разговорчивая*), Анай (*козочка*) — и так до бесконечности, наряду, конечно, с всероссийскими Еленами, Маринами, Ольгами.

Первым делом налаживаем контакт. Старик чуть-чуть говорит по-русски, а наш водитель Юра «мала-мала понимает» по-тувински. Начальник Костя Чугунов тоже пару слов связать может, недаром в Туве работает больше четверти века. И потом, тут присутствует ритуальный момент: беседа — дело мужское. С подростками и женщинами нам ласы точить не пристало. Стоим в кружок по стойке «вольно» между машиной и юртой, объясняемся, помимо мимики и жестов, сплетая в замысловатую нить русские и тувинские слова.

- Здравствуйте, эки!
- Эки, здорова!
- Мы вот археологи, ездим, курганы смотрим. Курганы, хорум, да?
- Археологи, но! Я знаю.

Происходит название по именам, непереносимое угощение сигаретами и закуривание. В прежние времена тувинцы, встречаясь, обменивались трубками и, если не спешили (а куда в степи спешить?), то тут же и выкуривали по трубочке. Трубка-данза маленькая, минут на пять-десять.

- Это вот — Володя, фотограф. (Володя тем временем держит фотокамеру наизготовку, как джигит — кинжал.) Мы из Петербурга, ну, из Ленинграда.
- Ленинград знаю, да.
- Тут у вас курганы есть? Хорум?

- Хорум, да, есь, многа хорум.
 - Тут ведь недалеко Грач копал. Грач, знаете?
 - А! Грач, да! — старик оживает, улыбка разглаживает его черные морщины. — Грач там копал (махнет рукой за гору). Я у Грача копал. Грач, да! Грач помер.
 - Да, давно уж умер.
 - Помер, да, давно. Я Грач знаю.
- Пауза — минута молчания. Упоминание об Александре Даниловиче Граче сразу делает нас ближе, как будто мы знакомы с тех самых пор, когда он руководил раскопками за той горной грядой.
- А это — Вероника, она из Франции, из Парижа. Настоящая француженка.
 - Из Парижа! Но!

Старик невозмутим, как и положено настоящему кочевнику, но чувствуется, что присутствие здесь, на каменистой, поросшей ошипанной польню, покрытой козьими и овечьими катышками тувинской земле настоящей француженки из Парижа приятно удивляет Кара-Сала и все его семейство. Надо отдать должное госпоже Шильц: при своей интеллектуальной утонченности, она удивительно легко вживается в любую действительность, и здесь, между юртами, смотрится совершенно естественно.

Вежливая беседа продолжается еще некоторое время, в течение которого мы узнаем, что у старика Кара-Сала девять сыновей и пропасть внуков. (Дочерей и внушек считать не принято; во всяком случае, хвалиться их количеством.) Старшие сыновья живут далеко: кто в ближайшем поселке Саглы, кто в райцентре Мугур-Аксы, а кто и в городе. Младший здесь — вот он. А это кто? Это внуки. Следует заметить: старший

из имеющихся в наличии внуков лет на пять старше младшего сына. А овец много? Много, да. А лошадей? Тоже много. А коровы? И коровы есть. Оглядываюсь вокруг: парень гонит с гор одну отару, голов двести-триста; другая лежит, пользуясь нежаркой погодой, возле стойбища. Лошади, несколько десятков, бродят вокруг. Стадо коров, тоже немаленькое, пасется возле речки. Да, скота довольно.

Во все время разговора старуха и подростки стоят вокруг. Дети бегают; их особенно интересуют две вещи: наша машина и госпожа Вероника. Поначалу побаиваются, но заметив, что оба объекта ведут себя дружелюбно — смеются. В машину можно залезть, а Веронику потрогать. Мы, наконец, объясняем про барана и про фотографирование. Кара-Сал быстро отдает какой-то приказ — и двое подростков бегут в сторону отары, девочки — к соседней юрте. И хозяйка хлопотливо уходит — руководить процессом.

Без пролития крови

Я не раз видел, как тувинцы режут, разделяют и готовят барана. Но такого этнографического профессионализма, как в хозяйстве Кара-Сала, еще не наблюдал. Двое подростков приволокли животное, уготованное на заклание. Аккуратно положили на спину. Старик

принес нож, а сам стал рядом. Все дальнейшие операции с хирургической точностью и спринтерской скоростью осуществляли два парнишки лет тринадцати-четырнадцати; старик стоял рядом, контролировал и инструктировал.

Барашка успокаивают; лежит он на спине тихо, даже как будто улыбается. На горле очень острым ножом делают стремительный и длинный продольный разрез, по-видимому, безболезненный. Задача: не пролить на землю ни капли крови. Кровь содержит в себе душу живого существа. Если она прольется на землю, то душа погибнет; если останется в теле или будет выпита и съедена другим существом — то душа возродится в новом воплощении. Из любви к живому нужно умертвить его без пролития крови. Именно поэтому у древних монголов страшным казнью было отсечение головы, а гуманнее всего считалось переломать приговоренному позвоночник и оставить в степи. Так, к примеру, был умерщвлен старший сын Чингисхана Джучи — скорее всего, по приказу любящего отца.

Один из мастеров держит барана за ноги, а другой запускает руку в разрез, нащупывает там аорту и быстрым и решительным движением обрывает ее там, внутри. Баран раза два дергается, раскрывает пасть, закатывает глаза — и отлетает в лучший мир, даже не успев сказать «Бе!». Убедившись, что барашек мертв (приподняв веко, как это делает врач скорой помощи), отрубают нижние сочленения ног и бросают собакам. Копыта да шкура только не идут в пищу, все остальное будет употреблено. Шкуру снимают без ножа, ловкими и сильными движениями ладоней вперед, под кожу, от брюха в сторону конечностей. Разрезают брюхо, кровь аккуратно

выливают в таз, быстро, чтобы не успела свернуться. Тут к делу подключаются женщины. Хозяйка и ее невестка, обитающая, как оказалось, в соседней юрте, разбалтывают кровь с мелко нарезанным луком и чуть-чуть солят: это заготовка для хана. Парни тем временем разделяют тушу; старуха с девчонками принимается за внутренности. Кишки и желудок промывают очень тщательно. Часть кишок готовят для хана: завязывают с одной стороны так, что получается своего рода чулок; туда осторожно наливают кровь с луком и зашпиливают деревянными шпильками. В это время в юрте на очаге уже кипит котел; туда бросают голову, ребра, курдюк, почки, печень, легкие, потом — кишку с кровью, хан. Желудок и часть кишок нарезают ленточками, сплетают с курдючным салом в косички; это называется чореме, его тоже кидают в котел.

Скоро сказка сказывается, а баран готовится не так быстро. Пока в котле бурлит и клокочет, нас приглашают в юрту пить чай. Юрта — особое пространство. Входя в нее, следует знать, что правая сторона женская, и гостям там делать нечего. Рассаживаемся на левой стороне, на ковриках. Прямо напротив входа уже сидит, поджав ноги, хозяин. В прежние времена строго регламентировалось и место, где сидеть, и поза, как сидеть. Чем дальше от входа, тем почетнее. Скрестив ноги, согнутые в коленях — прилично для солидных людей; молодым и беднякам следует одну ногу, согнув, поставить, а другую положить, поджав. Сейчас все это уже большого значения не имеет. Но лучше быть внимательным, чтобы не обидеть хозяев.

Сели. Перед нами банка со сметаной и лепешки. Тувинская сметана — особая, густая, ее режут ножом. Невестка наливает чай в пиалы. Чай непременно с молоком и солью. Он и насыщает, и жажду утоляет. Но прежде, чем мы успеваем взяться за пиалы, хозяин достает откуда-то большую пластиковую бутылку, полную прозрачной жидкости. Наливает в чашку. Ясное дело: арака. Напиток сей делается путем перегонки из перебродившего молока — *хойтпака*. И содержит в себе градусы — от семи-восьми до сорока-пятидесяти в зависимости от кратности перегонки. Кара-Сал окунает безмянный палец в чашку, брызгает аракой на четыре стороны — духам. Потом подает гостям. Араку положено пить из одной посуды, по кругу. Надо сказать: отличная арака. Средней крепости и очень чистая, без того неприятного запаха и привкуса перестоявшей сыворотки, от которого у непривычного человека перехватывает дыхание и может сработать рвотный рефлекс. За аракой идет уже другой разговор, обстоятельный и неторопливый. Тем более что невестка, сама городская, прилично говорит по-русски и вполне годится в переводчики.

Тем временем хан, ребра, почки и чореме готовы. Хозяйка вылавливает их и выкладывает на два блюда.

Одно, металлическое, подает хозяину и нам, другое, деревянное, ставит на женской половине. Из него едят женщины и дети. Подростки в трапезе, кстати говоря, не участвуют. Едим все, естественно, руками при помощи ножа. Хозяйка наливает в пиалы и подает густую жирную похлебку из котла, заправив ее просом. Есть и пить надобно не спеша. Да быстро и не получается: еда уж больно сытная, плотная. Потом и трубки появляются. Курим, разговариваем, понемногу разомлеваем.

Живая древность

Да, кстати, пока резали и готовили барана, было у нас время прогуляться вокруг. Володя и Вероника, кажется, в полной мере удовлетворили свою страсть к этнофотографии; Кара-Саловы внуки и внучки — свое любопытство. Глядишь — они уже облепили добрую Веронику и чуть ли не едут верхом на Володе. Одна девчонка тащит маленького черного козленочка — знакомить с французенкой. Другая тянет за загородку, где в густом теплом навозе барахтается теленок. Надо сказать: детям в тувинских юртах не запрещается ничего. Их никак видимым образом не воспитывают и как будто не замечают. Приезжие им вдвойне интересны потому, что, в отличие от своих взрослых, обращают на них внимание, общаются с ними.

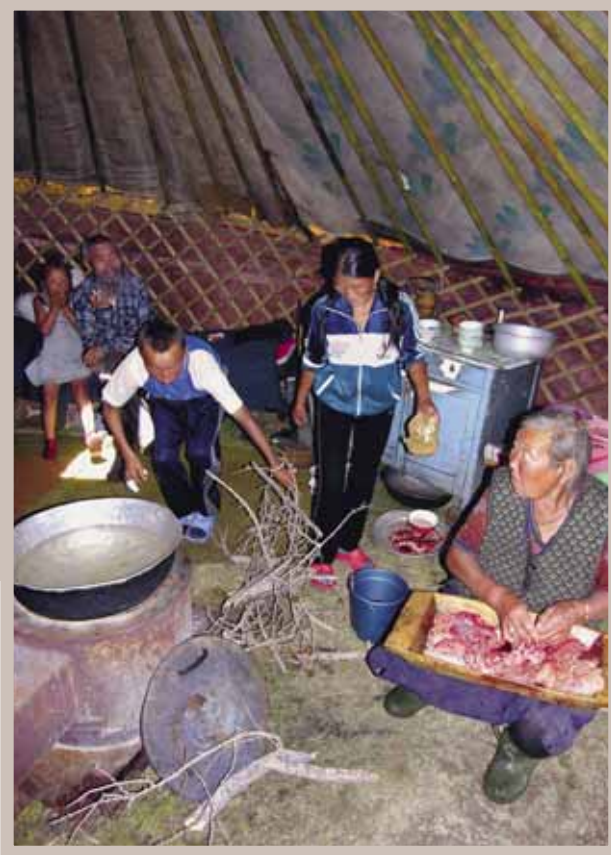
Сижу в машине, делаю записи в дневник, сверяясь с генштабовской картой-километровкой. У приоткрытой дверцы появляется черноволосая и черноглазая любопытная голова: девочка лет шести, типичная Кара-кыс, робко и осторожно заглядывает — чем это бородатый дядька занят. Минут через десять, в течение которых девчужка стоит, не переменяя позиции, появляется парнишка чуть постарше. Этот присматривается недолго, потом по-деловому и даже малость с вызовом забирается в салон — мол, смотри, какой я храбрый. С живым интересом ощупывает мою гимнастерку образца 1946 года. Потом берет мои карты и вдумчиво их разглядывает, хотя вряд ли умеет читать. Все это — не говоря ни слова.

Меня зовут. Выхожу. Неподалеку прямо на земле лежит что-то, накрытое овечьими шкурами. Приподнимаем — там целый склад утвари, коей место в экспозиции хорошего этнографического музея.

Деревянная ступа — *согааш* и к ней пест — *бала*, тоже выточенный из дерева. Можно не сомневаться, что и сто, и тысячу лет назад кочевники пользовались точно такими же. Выдолбленное из цельного дерева корытце — *деспи*, в него складывают внутренности барана, а потом из него же едят хан и чореме. А вот вовсе древность: ручная мельница из двух плоских камней-жерновов. Точно такие же находят археологи в комплексах скифского и предскифского времени.

Живая архаика: жернов
каменной мельницы

И среди всего этого — предмет, который повергает в трепет наших ученых: седельная сумка из кожи, как две капли воды похожая на те, что известны по древнекочевническим памятникам, только малость поновее. И кожаные ремешки-тесемки,

Обитатели юрты — чада и домочадцы кочевого аала

Юрта Кара-Сала стоит прямо на кургане скифского времени

узелки на которых сплетены точно таким манером, как это делали древние скифы две с половиной тысячи лет назад. Вещи из той эпохи. Взять их в руки почти так же удивительно, как увидеть живого мамонта.

Пора дальше ехать. Чашка с аракой совершает последний круг, хозяин выливает в нее остаток из бутылки, пьет сам, а последние капли с размаху выплескивает назад, через плечо. Прощаемся.

— Четырдым! Ча!

Снова вся молодая поросль сбегается, стоит вокруг. Рукопожатия, улыбки. Садимся в машину, отъезжаем. Метрах в трехстах от юрты отчетливо видна каменная кладка кургана. Поодаль еще один. Более двадцати столетий здесь жили кочевники, и жили в общем-то так же, как наш Кара-Сал и его симпатичное семейство.

Да, чуть не забыл сказать: юрта Кара-Сала стоит прямо на кургане. Если через очаг его жилища провести вертикаль, соединяющую мир живых, мир мертвых и мир божественных духов, то она пройдет и через погребение воина-скотовода, умершего две с половиной тысячи лет назад. Действительно, в Туве сливаются воедино времена и эпохи.

Детям в тувинской юрте
дозволено все